

П. Н. БЕРКОВ

ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Изучение истории русской литературы XVIII века, как может заметить всякий непредубежденный наблюдатель, в последнее десятилетие несомненно вступило в полосу значительного подъема. Достаточно указать, что после 1936 года, когда были защищены две первые докторские диссертации по истории литературы XVIII века, лишь через двадцать лет — в течение 1955—1956 годов — были сразу защищены четыре докторских диссертации по литературе того же периода. В течение послевоенного десятилетия вышли три издания «Истории русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого, т. IV «Истории русской литературы» Академии наук СССР, посвященный второй половине XVIII века, «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» (в двух томах), монографии о Ломоносове (А. А. Морозова), Новикове (Г. П. Макогоненко), Фонвизине (К. В. Пигарева), ряд книг о Радищеве (В. Н. Орлова, Г. П. Макогоненко, Л. И. Кулаковой, Д. С. Бабкина и др.), о поэме XVIII века (А. Н. Соколова), о русской музыкальной культуре XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом (в двух томах, Т. Н. Ливановой), о журналистике XVIII века, и т. д. Появился ряд сборников и монографий, в которых уделено много места изучению русской философской и эстетической мысли XVIII века, русского искусства, театра, живописи, архитектуры, науки, языка этого периода. Количество литературоведческих, языковедческих, театроведческих, искусствоведческих и философских диссертаций по темам XVIII века настолько велико, что при самом тщательном учете их нет возможности не упустить что-либо. Юбилеи Радищева, Новикова, Ломоносова, Фонвизина, Державина принесли обильную литературоведческую продук-

цию в виде академического «Полного собрания сочинений» Ломоносова, однотомника «Избранных сочинений» Радищева под ред. Г. П. Макогоненко, «Избранных философских сочинений» Радищева (под ред. И. Я. Шипанова), «Избранных сочинений» Новикова (под ред. Г. П. Макогоненко), переизданных «Сатирических журналов» Новикова и т. д., в виде сборников «Радищев», под ред. М. П. Алексева, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», тт. II—III, и др., в виде многочисленных журнальных и газетных статей, брошюр, книжечек и книг. В серии «Русские драматурги» издательство «Искусство» отвело XVIII веку семь книжек (Сумароков, Лукин, Фонвизин, Княжнин, Плавильщиков, Крылов, Капнист). Появился ряд антологий по литературе XVIII в.: двухтомник «Русская проза XVIII века» под ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко, «Русская комедия и комическая опера XVIII века», «Русская народная драма XVII—XX вв.», «Хрестоматия по русской литературе XVIII века» А. В. Кокорева (два издания) и др. В малой и большой серии «Библиотека поэта» изданы стихотворения Ломоносова, Сумарокова, Радищева, Державина, Карамзина, Дмитриева, Кантемира и пр. Был опубликован ряд библиографических пособий по литературе XVIII века в целом или по отдельным авторам, например: «Русские писатели XVIII века. Рекомендательный указатель литературы» Н. П. Ждановского (1954), «Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г.» Т. А. Быковой и М. М. Гуревича (1955), их же «Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689—январь 1725 г.», «М. В. Ломоносов. Указатель основной научной литературы» покойного Г. М. Коровина (1950), «Библиография основной литературы о М. В. Ломоносове за 1911—1916 гг.» Е. Б. Рысс, «Библиография сочинений М. В. Ломоносова и литературы о нем за 1917—1950 гг.» Е. Б. Рысс и Г. М. Коровина (1951), «Юбилейная литература 1949 года об А. Н. Радищеве. (Библиографический указатель)» Т. А. Карпенко и С. К. Симкиной (1950) и др.

Уже этот беглый, далеко не полный перечень изданий, связанных с изучением русской литературы XVIII в., показывает огромный количественный рост научной и научно-популярной литературы по данному вопросу. Конечно, не все из перечисленных и из неупомянутых работ по интересующей нас теме стоят на правильных научных позициях, достаточно убедительны, а иногда и просто грамотны. При внимательном рассмотрении этой научной продукции нельзя не заметить, как много спорных вопросов общего, принципиального и частного, фактического характера имеется в изучении русской литературы

XVIII века. Однако с полной ответственностью можно утверждать, что исследование XVIII века стоит сейчас неизмеримо выше, чем в дореволюционный период.

Здесь нет необходимости делать обзор историографии литературы XVIII века. Достаточно указать, что, если не считать классических критических статей Белинского, Добролюбова и Чернышевского о литературе XVIII века, а также соответствующих глав «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, все прочее изучение художественной словесности этого периода за время с 1801 по 1917 год выразилось в пяти-шести общих курсах, в трех-четыре десятках монографий и сборников об отдельных писателях, журнальных жанрах и просветительных учреждениях XVIII века, имевших отношение к литературному делу. Нисколько не отрицая больших научных заслуг дореволюционных литературоведов, занимавшихся исследованием XVIII века, в особенности таких, как А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонов, П. А. Ефремов, М. Н. Лонгинов, Л. Н. Майков, В. Н. Перетц, В. В. Сиповский, В. П. Семенников и другие, мы все же не можем не признать, что и по общей концепции русского литературного процесса XVIII века, и по охвату конкретного историко-литературного материала, и, наконец, по методике его обработки труды наших досюветских предшественников не могут нас в настоящее время удовлетворить. Общий кризис буржуазного литературоведения в конце XIX—начале XX века с неизбежностью сказался и на изучении литературы XVIII века. В предреволюционное десятилетие в изучении литературы XVIII века наметились три тенденции, явно проистекавшие из указанного идейного кризиса буржуазного литературоведения.

а) библиографически-архивная, представленная работами В. П. Семенникова, Н. М. Петровского и др.,

б) эстетическая, скорее даже эстетская, являющаяся своего рода литературоведческой параллелью к живописи «Мира искусства», посвященной XVIII веку; особенно это сказалось во время юбилея Державина в 1916 году, а несколько раньше в сборниках «Любовная лирика XVIII века» А. А. Веселовского (сына) и т. п.;

в) «идеологическая», проявившаяся в чрезмерно преувеличенной оценке значения русского масонства XVIII века (работы Г. В. Вернадского, Т. О. Соколовской, сб. «Масонство в его прошлом и настоящем», переиздание «Русского масонства» А. Н. Пыпина и т. п.), и — в другой форме — в поздних работах В. В. Сиповского (статьи «Из истории самосознания русского общества XVIII в.», «Из истории русской мысли

XVIII—XIX вв. (Русское вольтерьянство)», «Из истории русской мысли XVIII в. (Идейное содержание русской бытовой комедии XVIII в.)», «Русское свободомыслие XVIII в.» и пр.).

И работы В. П. Семенникова (в особенности), и с идеалистических позиций сделанные попытки В. В. Сиповского и исследователей мASONства, и даже подчеркнуто идеалистическое эстетизированное рассмотрение поэзии XVIII века — всё это принесло известную пользу развитию нашей отрасли советского литературоведения. Однако перед историками литературы XVIII столетия, выступившими в конце 20-х годов нашего века, стояли другие задачи: надо было прежде всего понять с марксистско-ленинской, материалистической точки зрения, что представляет собой литература позапрошлого столетия в общем русском и мировом литературном процессе, каково ее значение — историческое и художественное — для нового, советского читателя; надо было переосмыслить, подвергнуть самой суровой, но в то же время объективной критике достижения дореволюционного литературоведения в области XVIII века. Эти большие исторические задачи и вызвали к жизни специальную ветвь советской литературной науки — историю литературы XVIII века.

В самом деле, в дореволюционное время и в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции, за исключением Н. Н. Булича, А. И. Незеленова, В. В. Сиповского и В. П. Семенникова, специалистов по XVIII веку в прямом смысле слова не было. Профессора университетов и духовных академий, читавшие общие курсы по истории русской литературы и очень редко занимавшиеся непосредственными исследованиями по литературе XVIII века, нередко печатали курсы своих лекций по литературе этого периода (И. Я. Порфирьев, А. М. Лобода, Е. В. Петухов, А. С. Архангельский, П. Н. Сакулин) или выступали с книгами и статьями по частным ее вопросам (И. А. Шляпкин, М. Н. Сперанский и др.). Больше других сделал в этом отношении В. Н. Перетц, посвятивший истории русского стихосложения и театра XVIII века ряд ценных исследований, но и его, и других названных выше историков литературы, каковы бы ни были их заслуги в этой области, никак нельзя назвать учеными, занимающимися исключительно литературой XVIII века. А без специалистов, отдавших себя целиком или в основном изучению какого-либо специального отдела науки, этот отдел не может развиваться по-настоящему, планомерно и быстро.

И только в советское время, как уже мы сказали выше, возникли у нас благоприятные условия для развития самостоя-

тельной ветви советской литературной науки — истории литературы XVIII века. За эти несколько десятилетий изучение XVIII века прошло большой путь; оно, как и все советское литературоведение, выросло в борьбе с различными враждебными марксизму-ленинизму течениями: культурно-исторической и филологической школой, формализмом, вульгарным социологизмом и пр. Лишь постепенно, преодолевая свои ошибки, советские исследователи русской литературы XVIII в. овладели методом марксизма-ленинизма и сумели связать изучение своего специфического материала с общими задачами советского литературоведения, сумели подчинить свои штудии общим целям всей советской науки — построению коммунизма в нашей стране.

Поэтому сорокалетний период советского изучения литературы XVIII века не представляется совершенно одинаковым на всем своем протяжении. В зависимости от того, какие задачи ставила перед исследователями XVIII века жизнь, находятся и особенности этой отрасли советского литературоведения. Грубо намечая этапы этого развития, можно говорить о трех периодах: довоенном (20-е, 30-е годы), военном периоде и о послевоенном десятилетии.

Одной из ближайших задач изучения литературы XVIII века в 20—30-е годы было широкое ознакомление советских читателей с художественным наследием XVIII столетия, популяризация творчества крупнейших писателей той эпохи. Это выразилось в издании в обеих сериях «Библиотеки поэта» стихотворений Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Крылова, Карамзина, Радищева, Капниста, сборника «Поэты XVIII века» и т. д. С той же целью, а также и с педагогической были изданы антологии, представляющие в лучших образцах либо всю литературу XVIII века («Хрестоматия по русской литературе XVIII века» Г. А. Гуковского, его же однотомник «Русская литература XVIII века»), либо наиболее характерные ее жанры («Вирши», «Ирои-комическая поэма», под ред. Б. В. Томашевского, «Русские сатирические журналы XVIII века», сост. Л. Б. Лехтблау, и пр.). Наряду с этой формой работы, проводившейся на высоком уровне советской текстологической и комментаторской техники, развертывалась углубленная научно-исследовательская деятельность, сосредоточенная в основном в литературоведческих институтах Академии наук СССР — главным образом в Группе XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) и существовавшего до войны Отдела древнерусской литературы и литературы XVIII века Института мировой литературы им. А. М. Горь-

кого. Уделял внимание вопросу о связи древнерусской литературы с литературой XVIII века Отдел Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом).

В итоге этой работы были созданы ценные сборники, содержавшие как публикации неизданных текстов, так и исследования по литературе этого периода («Литературное наследство». 9—10; «XVIII век», вып. 1—2; «А. Н. Радищев. Материалы и исследования»; «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века»; «Старинная русская повесть»). Параллельно с этим появились и первые советские монографии по литературе XVIII века — книга Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века» (1927), его же «Очерки по истории русской литературы XVIII века» (1936) и «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» (1938), В. Б. Шкловского «Матвей Комаров, житель города Москвы» (1929) и «Чулков и Левшин» (1933), работы о Ломоносове (1936) и пр.

Большое значение имело укрепление в общих курсах по истории русской литературы в высших учебных заведениях специальных разделов, посвященных литературе XVIII века. В связи с этим появляются обобщающие курсы по литературе этого периода: «Русская литература XVIII века» Г. А. Гуковского и третий том академической «Истории русской литературы» — XVIII век, первая половина.

Несмотря на многообразие проблем, разрабатывавшихся в исследованиях и обобщающих трудах по литературе XVIII века в 20—30-е годы, они могут быть сведены к нескольким основным:

- а) общественно-литературная борьба;
- б) самостоятельный характер русской литературы XVIII века;
- в) своеобразие русского классицизма и борьба литературных стилей в литературе XVIII века;
- г) место литературы XVIII века в общей концепции русского литературного процесса;
- д) место русской литературы XVIII века в общеевропейском литературном движении того столетия.

В итоге дискуссий, имевших место и на страницах научной печати (в частности в «Литературном наследстве») и на специальном совещании в Институте русской литературы в 1934 году, а в особенности в результате деятельности указанных выше научных ячеек по изучению XVIII века в академических литературоведческих институтах, установился ряд положений, общепризнанных всеми или почти всеми советскими

исследователями литературы XVIII века. Коротко они могут быть сформулированы так.

Литература XVIII века, рассматривавшаяся в 20-е и начале 30-х годов только как подготовительный этап русской классической литературы XIX века, в частности как материал, объясняющий некоторые черты творчества Пушкина, либо как связующее звено между древнерусской литературой и русской классической и советской литературой, имеет, помимо этих прав на внимание, еще и то — и это главное, — что она по-своему отражает жизнь русского народа или хотя бы значительных его слоев на протяжении целого столетия. В течение XVIII века формировалась новая русская культура, освободившаяся или освобождаясь от сковывавшего ее развитие церковно-религиозного, авторитарного мышления. Возникла русская философия, общественная мысль, складывался общенациональный литературный язык, выросли русская журналистика, русская критика, русский театр, научные и высшие учебные заведения. Все это свидетельствовало о большой внутренней, духовной, как говорили в старину, жизни русского народа. Литература этого периода по-своему отражала все эти явления и процессы, и не только пассивно отражала, но и активно участвовала в общем движении. Больше того, только при посредстве изучения литературы XVIII века и можно уяснить многие из этих явлений и процессов. Поэтому, вполне признавая выдающийся интерес, который представляет изучение литературы XVIII века как соединительного звена в общем процессе русского литературного развития между древнерусской традицией и литературой XIX—XX вв., а также как своего рода идейно-художественного трамплина для возникновения русской классической литературы, мы все же считаем, что русская литература XVIII века важна как самостоятельный, большой и ценный раздел национальной культуры, имеющий как историческое, так и эстетическое значение.

Было отброшено в итоге исследований и дискуссий и другое положение, имевшее широкое распространение в 20-е и начале 30-х годов и представлявшее один из коренных принципов дореволюционного изучения литературы XVIII в., — о ее рабской «подражательности», о «рабском, неумелом ученичестве» писателей данного периода. Начиная с критических высказываний самих литературных деятелей XVIII века, которые отмечали заимствования своих современников у западных писателей, продолжая известными формулами Пушкина о «дитяти чужих уроков» — Сумарокове, о «переимчивом Княжине», статьями Белинского и кандидатским сочинением Н. С. Тихонравова

(«О заимствованиях русских писателей», 1853) и т. п., и кончая недостаточно понятой книгой Алексея Веселовского «Западное влияние в русской литературе» (1883; изд. 5-е, 1916), — повсюду настойчиво проводился взгляд на несамостоятельный характер литературы XVIII века. Отрицать заимствования в подавляющей их части было бы просто бессмысленно. И литературоведы, изучавшие XVIII век в 20—30-е годы, этого и не делали. Однако к истолкованию этих заимствований они подходили совершенно иначе. Исследователи ставили своей задачей показать и доказать, с какой целью, вызванной самим развитием русской литературы, делались эти заимствования, какие задачи, стоявшие перед русскими писателями XVIII века, решались с помощью этих заимствований. Короче говоря: если дореволюционных исследователей литературы XVIII в. интересовало установление самого факта заимствований и на этом они считали себя вправе остановиться, то для советских литературоведов было важно определить, в каких исторических условиях, с какой целью делались заимствования и как органически включались они в развитие русской литературы XVIII века.

Подобный подход позволил исследователям понять заимствования писателей XVIII века не как основу развития литературы этого периода, а лишь как одно из средств литературно-общественной борьбы в тогдашней русской действительности. В результате этого отпало самое понятие «подражательности» и «несамостоятельности» русской литературы XVIII века.

Правильное понимание проблемы заимствований стало возможным только потому, что, стоя на почве марксистско-ленинской философии, исследователи русской литературы XVIII века отказались от буржуазной трактовки литературного процесса как «единого потока». Не отвергая понятия «национальная литература», не впадая в грех вульгарного социологизма, видевшего вместо единой национальной литературы механическую сумму дворянской, мещанской и крестьянской литератур, обособленно, независимо друг от друга существующих, исследователи 20—30-х годов признали основой развития литературы XVIII века идейно-художественную борьбу, аналогично тому, как собственно историки видят в истории русского общества XVIII века, разделенного на антагонистические классы, но в то же время единого, борьбу классов, борьбу общественно-экономическую и социально-политическую.

Там, где дореволюционные литературоведы, как, например, В. В. Сиповский, видели суммарное «русское общественное самосознание» или «русское свободомыслие XVIII в.», где вульгарные социологи находили «чуждую, враждебную пролетариату»

дворянскую литературу XVIII века, которую поэтому и изучать не следует, исследователи 20—30-х годов, вооруженные историко-диалектико-материалистическим методом, научились различать сложную борьбу классово обусловленных идеологических воззрений, а иногда даже и систем. Для них стало ясно, что русская литература XVIII века не представляет литературы одного только дворянского класса или механической суммы литератур (или «литературных слоев», как говорил П. Н. Сакулин) разных классов русского общества, а является отражением сложного процесса формирования «чиновничье-дворянской монархии XVIII века» (Ленин) с характерной для этого процесса борьбой дворянско-помещичьей и демократической идеологий.

Это крупное достижение тогдашнего литературоведения заставило исследователей сосредоточить свое внимание на таких явлениях, как литературные памфлеты, пародии, полемики XVIII века, как рост демократических тенденций в литературе этого периода, как подготовка, а затем и появление первого русского писателя-революционера, Радищева.

Благодаря этому было преодолено (также оставшееся в наследство от буржуазного литературоведения) положение об абстрактном характере русской литературы XVIII века, о ее оторванности от жизни, с одной стороны, и о ее верноподданнической, сплошь монархической направленности. В «подобострастных», прославляющих монархов одах были обнаружены особые формы проведения определенных, большей частью прогрессивных идей. В трагедиях были открыты явные черты политической борьбы. Казалось бы, «общечеловеческим порокам» посвященные притчи, как выяснилось, отражали опять-таки намеки на политические и общественные события. Сатирическая журналистика 1769—1774 годов перестала рассматриваться как верная союзница Екатерины II, «либеральной монархии», «ученицы философов-просветителей». Это стремление показать политическую суть литературы XVIII века, отчетливо проявившееся в печатных работах исследователей в конце 30-х годов и в части их трудов, тогда же подготовленных, но опубликованных уже после войны, особенно расцвело в истекшем десятилетии.

Усмотренная исследователями связь литературы XVIII века с современной ей действительностью, с политическими и социальными событиями и процессами, естественно привела к тому, что прежде, в 20-е годы, решительно еще оспаривавшаяся кое-кем из литературоведов необходимость изучения литературного развития в зависимости от истории обществен-

ной мысли и философских течений, стала общепризнанной. Так появились в конце 30-х годов работы по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, по характеристике философских позиций Ломоносова, Радищева, писателей 60-х годов XVIII века и т. д.

Наряду с этим исследователи 30-х годов не утратили интереса к анализу стиля русской литературы XVIII века. Здесь также наметился значительный перелом. Под влиянием изучения фактов, привлечения ранее не обращавших на себя внимания авторов и произведений, историки литературы XVIII века отказались от старой точки зрения, согласно которой вся литература этого столетия — от Феофана Прокоповича (некоторые утверждали, что еще от Симеона Полоцкого) и до Державина включительно создавалась в едином художественном стиле — классицизме. Вслед за европейскими искусствоведами стали сперва говорить о русском барокко, о позднем Возрождении, о предклассицизме, т. е. механически переносили готовые европейские схемы на русскую литературу. Это было, по-видимому, результатом еще не изжитого тогда представления о «подражательном», «несамостоятельном» характере русской литературы XVIII века, о том, что русская культура «с запозданием проходит этапы европейского развития».

Лишь постепенно, опять-таки в результате усвоения историко- и диалектико-материалистического метода, стало понятно, что русский классицизм — явление, закономерно возникшее на русской почве и отнюдь не привозное, не заимствованное, что, усваивая некоторые внешние формы, выработавшиеся в западных литературах, русский классицизм, в зависимости от национальных условий и потребностей, наполнял их местным содержанием, сплавлял их со своими литературными традициями, перерабатывал их настолько, что эти заимствованные формы приобретали русское обличье, русскую специфику. Таким образом, к концу 30-х годов сложилось представление о русском классицизме как оригинальном варианте классицизма общеевропейского.

Однако этот тезис о русском классицизме ни в коей мере не являлся рецидивом «теории единого потока», возвратом к преодоленному представлению о суммарной «русской литературе XVIII века» в понимании А. С. Архангельского или В. В. Сиповского, или, наконец, П. Н. Сакулина. Стиль русского классицизма рассматривался как форма выражения, как проявление идейно-художественных представлений русских писателей XVIII века, и поскольку эти идеологические представления находились в непосредственной зависимости от социальной по-

зиции писателей, постольку с необходимостью встал вопрос о дворянском и демократическом варианте русского классицизма. При этом наряду с борьбой вариантов в едином стиле русского классицизма исследователи установили и факты их взаимопроникновения, факты усвоения каждым из них отдельных элементов другого, а также фактов неприятия, отрицания, борьбы с другими элементами.

К концу 30-х годов исследователи накопили достаточно материалов для того, чтобы выдвинуть все более и более затем упрочивавшееся положение, что русская литература XVIII века не исчерпывается одним только классицизмом и «пришедшим ему на сцену сентиментализмом, также заимствованным на Западе», как утверждали досоветские литературоведы. Стало ясно, что уже в конце 50—начале 60-х годов XVIII века в русской литературе начался сперва незаметный, но в дальнейшем усиливавшийся процесс распада классицизма, появления, с одной стороны, тенденций реалистических, с другой — сентиментальных. Стало ясно, что и та, и другая тенденция находится в зависимости от разного отношения русских писателей тех лет к политической борьбе с самодержавием (не как принципом, а как конкретной формой) и крепостничеством. Стало ясно, что накопление реалистических черт в произведениях передовых писателей тех десятилетий XVIII века тесно связано с борьбой последних за интересы народных масс, с их борьбой против жгелиберализма Екатерины II. Так, постепенно было признано, что зарождение элементов реализма в недрах литературы классицизма явилось результатом не «имманентного саморазвития литературы», как утверждали некоторые литературоведы-формалисты, а политической борьбы.

Перечисленные выше положения, к которым пришли исследователи, определили их понимание места русской литературы XVIII века в общеевропейском литературном процессе. Стало несомненным, что дореволюционные представления о «провинциальном» характере русского литературного развития в XVIII веке не отвечают действительности и что русская литература этого периода не только не может и не должна быть признана «отсталой», «повторяющей зады европейского литературного движения», но, напротив, должна быть оценена по достоинству как оригинальное явление, своей политической направленностью и демократическими тенденциями дополняющая европейский литературный процесс.

Примерно таковы основные выводы, которые были сделаны советскими исследователями в изучении литературы XVIII века к концу 30—началу 40-х годов.

В течение четырех военных лет исследовательской работы в прямом смысле слова в области литературы XVIII века не велось — условия времени не давали возможности заниматься ею. Вместе с тем, исследователи не прекращали осмысления некоторых сторон русской литературы XVIII века. В юбилейных статьях и брошюрах о Державине (Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского, С. А. Щегловой), Новикове, Кантемире, Фонвизине больше, чем до войны, отмечались патриотизм этих писателей, национально-воспитательное значение их художественных произведений.

Несмотря на относительную хронологическую краткость военного периода в развитии изучения XVIII века по сравнению с 20—30-ми годами и с последующим десятилетием, итоги литературоведческих работ, сделанных в военные годы, не маловажны для нашей науки. Проблема национально-воспитательного значения литературы XVIII века, тесно связанная с проблемой особенностей русского классицизма и своеобразия русской литературы вообще и XVIII века в частности, если была не полностью решена, то, во всяком случае, заняла в общей проблематике исследовательской работы в послевоенное время подобающее, значительное место.

Несомненный подъем работы по изучению литературы XVIII века после 1945 года был выше охарактеризован с внешней, библиографической стороны. Но следует подчеркнуть, что этот подъем, можно даже сказать расцвет, исследовательской деятельности в данной области, сопровождался и постановкой новых целей и задач изучения.

Прежде всего встал вопрос о роли и месте Радищева в истории русской литературы XVIII века. Еще в довоенный период произошла переоценка в понимании значения «Путешествия из Петербурга в Москву» как памятника литературного развития XVIII века. Дореволюционные исследователи не только не признавали итогового и в то же время новаторского характера литературной деятельности Радищева, но даже вообще не уделяли ему сколько-нибудь серьезного внимания. В работах о Радищеве 30-х годов (сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», 1936; фототипическое переиздание «Путешествия» с дополнительным томом материалов Я. Л. Барскова, 1935; академическое издание «Полного собрания сочинений» Радищева, т. I, 1940, и ряд других изданий и статей) было установлено, что автор «Путешествия» стоит не за пределами литературного процесса и даже не на периферии его, а занимает важнейшее место в истории литературы XVIII века, не меньшее, чем Карамзин, от которого, вслед за досоветскими

литературоведами, признавалась основополагающая роль в формировании первого периода литературы XIX в.

В послевоенное время вопрос о месте и значении Радищева в истории литературы XVIII века перерос в более широкую проблему — об общем пути развития литературы этого периода, о ее философском смысле. Во время радищевских юбилеев 1949 и 1952 годов выросла огромная литература об этом писателе. Им стали заниматься не только литературоведы, но — с большей или меньшей степенью осведомленности в общем литературном процессе XVIII века — и историки, и философы, и экономисты, и юристы. Совместными усилиями всех этих специалистов, часто противоречивших друг другу в своих исходных положениях и, в особенности, в конечных выводах, «проблема Радищева» была во многих пунктах прояснена. Было признано, что, подобно тому, как и вся русская литература XVIII века представляет органическое явление, выросшее на почве национальных традиций и усвоения и переработки западных достижений, так и Радищев сложился как закономерный факт и фактор русской и европейской литературы, науки и общественной мысли XVIII века. Было также признано, что главная суть вклада Радищева в русскую литературу заключается в его последовательном демократизме и революционных выводах его философии. Однако по вопросу о характере этой революционности — демократическом или дворянском — дискуссии еще продолжают. Больше того, высказываются даже мнения, что последовательным демократом и революционером считать Радищева не следует. Эти рецидивы досоветских трактовок Радищева не могут не вызвать огорчения.

Исследование деятельности предшественников Радищева — Ломоносова, Фонвизина, Новикова, а также его современников и ближайших сторонников, начавшееся еще в довоенный период (в работах Г. А. Гуковского, И. К. Луппола и В. Н. Орлова), было с особой углубленностью продолжено в послевоенное десятилетие в монографиях Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», 1951, и В. Н. Орлова «Русские просветители 1790-х—1800-х годов», 1950. В этих больших работах и в ряде меньших по объему статьях было освещено своеобразие русского Просвещения и отдельных просветителей. Хотя с некоторыми положениями, выдвинутыми в указанных работах, — например с узостью хронологических рамок и неполнотой признаков русского Просвещения, — согласиться нельзя, в то же время необходимо признать исключительно большое значение самой постановки данного вопроса.

Среди тем, особенно выдвинувшихся в течение последнего десятилетия и ранее занимавших едва заметное место в исследованиях по истории русской литературы XVIII века, в первую очередь должно назвать тему связи литературы этого периода с народным творчеством и несколько шире — тему фольклоризма русских писателей. Здесь следует указать работы М. К. Азадовского, Н. В. Баранской, Г. И. Бомштейна, С. Ф. Елеонского, А. В. Кокорева, В. Д. Кузьминой и др. Проблема соотношения фольклора и литературы XVIII века естественно связана и с изучением истории фольклора XVIII века. И в этом отношении в послевоенное десятилетие имеются значительные достижения, в частности в т. I и т. II, вып. 1 коллективного труда Института русской литературы (Пушкинский Дом) «Русское народное поэтическое творчество» и другого коллективного труда под таким же названием, вышедшего под ред. П. Г. Богатырева. Эти книги содержат множество ценнейших статей, широко раздвигающих границы наших прежних представлений о фольклоре XVIII века.

Вместе с тем, новые материалы показывают, что фольклоризм русских писателей изучен совершенно недостаточно. На очереди стоит обследование отношения (в теории и практике) к фольклору Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Радищева, да и всех остальных писателей XVIII века.

Близкую по характеру тему, также выдвинувшуюся в послевоенное десятилетие, представляет «старая традиция» в литературе XVIII века. Эта тема была поставлена еще А. Н. Пыпиным в статье «До-Петровское предание в XVIII-м веке» (1886). Остановливаясь в этой работе на «старине в нравах и бытовых понятиях» и «на продолжении старых понятий в литературе», А. Н. Пыпин, как и полагается большому ученому, выступил против традиционного взгляда на литературу XVIII века как на явление, полностью оторванное от старых национальных традиций. Либерал-западник по своим политическим убеждениям, А. Н. Пыпин этой своей работой, по существу, опровергал излюбленную западниками, усердно развивавшуюся ими концепцию о «несамостоятельности» и «подражательности» русской литературы XVIII века.

Однако сколько-нибудь заметного следа в литературной историографии XVIII века ни эта работа Пыпина, ни его книга «Для любителей книжной старины» (1888; перепечатано с дополнениями в «Сборнике Общества любителей российской словесности на 1891 год»), посвященная рукописной повести XVIII столетия, не оставили. Нельзя, правда, сказать, что

точка зрения Пыпина была забыта (ср. «Старорусскую повесть» Н. К. Пиксанова, 1923; книги П. Н. Сакулина по истории литературы XVIII века, 1919 и 1929), однако дальнейшей, углубленной разработки ее, привлечения нового материала, марксистского осмысления ее в советском литературоведении до послевоенного периода мы не находим.

Зато в последнее десятилетие были опубликованы очень свежие по материалу и по подходу статьи на данные темы Е. А. Касаткиной, В. Д. Кузьминой, С. Ф. Елеонского, Д. М. Молдавского и др. В результате этих работ и пересмотра старых фактов определился иной взгляд на традиционную схему. Сейчас вопроса о «разрыве» между «старой традицией», между «допетровским преданием» и литературой XVIII века не существует. Русский литературный процесс рассматривается в своем единстве и целостности. «Европеизация», если пользоваться термином, возникшим в XIX веке и применявшимся и В. И. Лениным, — европеизация русской литературы XVIII века представляла не перерыв в развитии русского литературного процесса, а лишь одну из форм этого развития.

К числу небольших, но принципиально очень важных тем, разработка которых по-настоящему началась в послевоенное десятилетие, относится изучение взаимоотношений русской литературы XVIII века и современных ей литератур народов тогдашней России. Среди немногочисленных работ на эту тему особенно следует отметить статьи киевского литературоведа Ф. Я. Шолома, посвященные изучению русско-украинских связей XVII—XVIII в., в частности связей украинских сатириков 40—50-х годов XVIII века с творчеством Кантемира («Російсько-українські літературні зв'язки після возз'єднання України с Росією в 1654 році», 1954; «Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття», 1952). В своей диссертации, отдельными главами которой являются опубликованные автором статьи, Ф. Я. Шолом пошел значительно дальше и методологически правильнее старой работы В. Н. Перетца о неизвестных подражателях Кантемира (1928). Однако надо признать, что вообще в области изучения связей русской литературы XVIII века с современными ей литературами народов, уже тогда входивших или позднее вошедших в состав России (белорусы, грузины, армяне), сделано еще очень мало.

Настоящая статья не является историографическим отчетом — тем более отчетом библиографическим — о развитии изучения литературы XVIII века в послевоенное десятилетие. По-

этому имена многих литературоведов, успешно и с пользой работающих в области исследования литературы этого периода (например, Д. С. Бабкин, Л. В. Крестова, Н. Л. Степанов, А. П. Могилянский, Д. Д. Шамрай, И. Э. Серман, А. В. Западов, Л. И. Кулакова, Л. Б. Светлов, Ф. Я. Прийма, Ю. М. Лотман, П. А. Орлов и др.), нами не упомянуты, так как ход изложения этого не требовал. Задача настоящего обзора иная. Нам казалось целесообразным предварить предлагаемый третий выпуск сборника «XVIII век» некоторой характеристикой сделанного и наброском того, что необходимо сделать для дальнейшего развития нашей отрасли советского литературоведения. Поэтому были выделены те вопросы, которые нам кажутся существеннейшими и характеризующими как современное состояние изучения литературы XVIII века, так и его предшествовавшие этапы.

Рассмотренные выше материалы позволяют сделать наблюдение: вопросы художественного метода в литературе XVIII века и в особенности вопросы литературного мастерства писателей XVIII века недостаточно, — чтобы не сказать вовсе, — не привлекали в послевоенное десятилетие внимания исследователей. Основательно показана органическая, хотя и своеобразная связь литературы XVIII века с современной ей русской и общемировой политической действительностью. Установлены соотношения между внутренней и внешней политикой Петра I, Елизаветы, Екатерины II и современной им русской литературой. Восстание под руководством Пугачева, американская и французская революция в их отношении к тогдашней русской литературе также исследованы достаточно внимательно. Конечно, не следует считать все сделанным, все факты установленными, все материалы исчерпывающе осмысленными. Изучать политическую связь русской литературы XVIII века с русской жизнью этого столетия необходимо. В частности очередной такой проблемой, несмотря на наличие нескольких диссертаций, остается творчество Кантемира.

Однако следует помнить простую истину, что связь русской литературы XVIII века с тогдашней современностью не отменяла ее эстетической природы как словесного искусства. Значит, не отказываясь от дальнейшего изучения этих связей, мы должны больше уделять внимания изучению теоретических, эстетических взглядов русских писателей XVIII века, их литературному мастерству, их художественной практике. Это позволит вновь вернуться к еще недостаточно выясненному вопросу о литературном стиле или литературных стилях XVIII века и решать его не умозрительно, как это делалось в 20—30-х годах

в статьях о русском барокко и русском классицизме, когда авторы оперировали очень ограниченным кругом материалов.

Предстоит большая задача продолжить изучение вопроса о русской литературе XVIII века как части мирового литературного процесса, об изучении русской литературы на Западе в XVIII же столетии, о формах, причинах и целях отдельных усвоений русскими писателями XVIII века достижений античной, западных, восточных и славянских литератур. Вопрос о связях русской литературы XVIII века с современными ей славянскими литературами, — прежде всего с польской, а также с другими, — еще почти не затронут.

В связи со всем сказанным необходимо признать, что плодотворное изучение литературы XVIII века требует всемерного расширения круга исследуемых материалов. Оставаться на том уровне фактических знаний, который был достигнут нами в предшествующем десятилетии, наша ветвь советского литературоведения не должна. Может быть, нас ждут какие-нибудь значительные находки; но дело не в них, главное заключается в широком привлечении как можно большего количества неиспользованных рукописных и печатных источников, действительно раздвигающих границы наших знаний в области литературы XVIII века. Надо помнить, что дореволюционное литературоведение вообще было мало активно в разыскании материалов. В советские годы сделано в этом отношении много больше. Однако надо систематически обследовать все государственные архивы и рукописные отделения библиотек, чтобы создать полный свод существующих рукописей анонимных и авторских произведений XVIII века.

Надо всячески способствовать созданию сводного каталога печатных изданий XVIII века, имеющихся в крупнейших научных библиотеках СССР.

Необходимо подготовить полную библиографию литературоведческих работ по изучению XVIII века хотя бы с 1901 г., считая, что для предшествующего периода до известной степени можно пользоваться «Русской словесностью с XI в. по XIX в. включительно» А. В. Мезьер.

Необходимо признать, что существующие иготавливаемые в издательстве «Советский писатель» (в обеих сериях «Библиотеки поэта») сборники стихотворений поэтов XVIII века, сыгравшие полезную роль в период популяризации литературы этого столетия, сейчас уже не могут удовлетворить потребностей нашей науки. Поэтому следует добиваться — конечно, не сразу, а постепенно — включения в серию академических изданий русских классических писателей полных собраний сочинений Канте-

мира, Фонвизина, Капниста, Крылова, Сумарокова, Карамзина, Тредиаковского, Плавильщикова и др.

Надо совместно с советскими лингвистами приступить к созданию исторического словаря русского литературного языка XVIII века, без которого серьезное изучение вклада отдельных писателей этого периода в развитие языка невозможно.

Надо координировать наши исследования по XVIII веку с работами прогрессивных зарубежных литературоведов для совместного решения ряда проблем, которые в одиночку либо не будут рассмотрены вовсе, либо будут осуществляться много лет.

Благоприятные условия, существующие в настоящее время для всего советского литературоведения, дают основание ожидать дальнейшего успешного изучения литературы XVIII века. Эта ветвь советской литературной науки на своем материале должна решать те же задачи, что и вся советская наука в целом.
